

An oil painting depicting a soldier in a military uniform and helmet, standing behind a rusted, vintage car. The soldier is looking towards the right, with a vast, mountainous landscape in the background. The mountains are covered in snow and partially shrouded in mist. The scene is set in a dry, grassy field. The overall style is realistic with a focus on texture and light.

Даниил Пугачев

"Воспоминание"
По Дорогам
Отступления

Даниил Пугачев
"Воспоминание " По
Дорогам Отступления

<https://litres.ru/74419537>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга — история о том, как человек, ставший частью машины, сумел сохранить в себе человека. Николай Сергеевич Назаров прошел тысячи километров, везя на своих плечах судьбу страны.

Даниил Пугачев

"Воспоминание " По Дорогам Отступления

ВОСПОМИНАНИЕ: ПО ДОРОГАМ ОТСТУПЛЕНИЯ
ПРОЛОГ

22 июня 1941 года. Цитадель Шембека.

Раннее утро в Шембеке всегда дышало спокойствием. Солнце едва коснулось зубчатых стен цитадели, когда молодой пограничник, чей шаг еще не был отточен годами службы, медленно обходил периметр. Мир вокруг казался застывшим, немым и бесконечно мирным. Ничто — ни шорох листвы, ни далекое пение птиц — не предвещало, что этот покой будет разорван в клочья.

Тишину нарушил резкий, почти болезненный крик. Прямо из-за спины солдата, словно сорвавшись с неба, метнулась тень. Тяжелый удар пришелся по каске, и звон металла о металл заставил парня пошатнуться, едва не повалившись на камни. Он вскинул голову, тяжело дыша, и увидел на вышке орла. Птица замерла, глядя на него своим немигающим глазом, и снова издала пронзительный крик, словно предупреждая о чем-то.

Солдат лишь недоуменно почесал затылок, пытаясь унять дрожь в руках, но не успел он прийти в себя, как мир вокруг

взорвался.

Грохот гранаты вырвал его из реальности. Земля содрогнулась, а оглушительный взрыв сменился сухой дробью выстрелов и нарастающим гулом бомбардировки. От ударной волны пограничника отбросило к стене. В ушах звенело, а перед глазамиплыли темные пятна, но инстинкт, вбитый в кровь тренировками, сработал быстрее боли. Это было не учение. Это было вторжение.

НА НАС НАПАЛИ! — его крик, сорванный и хриплый, прорезал дым. — ЗАПУСТИТЕ СИГНАЛЬНУЮ РАКЕТУ! ВТОРЖЕНИЕ!

Он бежал к командованию, спотыкаясь о обломки, но путь ему преградили две тени. Немецкие солдаты, сжимавшие в руках МП-40, возникли перед ним словно призраки из кошмара. Оцепенев на мгновение, он увидел лестницу. В последний момент, повинувшись отчаянному импульсу, он рванулся вверх, на второй этаж.

Пули свистели у самых ушей, вгрызаясь в дерево и камень, но судьба даровала ему еще несколько секунд. Поднявшись, он замер, и ужас, холоднее любого оружия, сковал его сердце. Картина, представшая перед ним, была запредельно жестокой: капитан НКВД лежал на полу, его горло было перерезано; двое солдат безжизненно растянулись на ступенях. А за столом, в пугающем спокойствии, сидел офицер. В его осанке и взгляде не было ничего от союзника — это был ди-

версанта, хищник, затаившийся в самом сердце гарнизона.

Диверсанта потянулся к пистолету, но пограничник был быстрее. Схватив сигнальную ракету, он бросился прочь, в открытый хаос войны. Гул выстрела из «Вальтера» прозвучал где-то в спину, но он уже вылетел на улицу, где его уже ждали кольцом враги.

Последним, что он успел сделать, был рывок чеки. Вспышка сигнальной ракеты прочертила рассветное небо, посылая сигнал своим. Где-то вдалеке, сквозь грохот орудий, отозвался надрывный голос капитана: — Солдаты, ко мне! ГОТОВИМСЯ К БОЮ!

Молодой солдат замер, глядя в лицо смерти, и успел прошептать, прежде чем пуля оборвала его жизнь: — Теперь весь Советский Союз знает, что вы здесь...

Смерть была быстрой. Диверсанта в советской форме, с ледяным спокойствием, произнес на немецком: — Das ist perfekt.

А в это время, по дороге на Киев, немецкий «Кеттенкранд» уверенно перемалывал пыль. Солдат с табличкой «NACH KIEW» деловито прибил указатель к столбу. Война не спрашивала разрешения. Она просто пришла, везя за собой грузовики с пехотой и лязг танковых гусениц.

ГЛАВА 1. ТЕНИ ПРОШЛОГО

Наши дни. Парк.

Солнце заливало золотом уютный городской парк. Жизнь здесь текла своим чередом, размеренно и безмятежно. Дети

заливисто смеялись, катаясь на каруселях; старики неспешно обсуждали новости, присев на лавки; где-то в стороне семья раскладывала скатерть для пикника. Мир был полон жизни, света и бесконечного, простого счастья.

На одной из скамеек, в тени старого дуба, сидели двое. Маленький мальчик, Даниил, внимательно смотрел на своего прапрадеда. В глазах ребенка застыл серьезный вопрос, который не дает покоя многим, кто знает историю.

Дедушка Коля, — тихо спросил он, — скажи мне, а война... это действительно такая страшная вещь?

Николай замер. Его взгляд, обычно теплый и добрый, внезапно устремился куда-то вверх, сквозь кроны деревьев, в бесконечную синеву неба. На губах заиграла легкая, горькая ухмылка.

Ох, мой ты юный друг... — голос старика стал глухим, словно он говорил не с ребенком, а с самим собой. — Это было очень давно. Восемьдесят лет назад.

Он замолчал, и на мгновение показалось, что парк исчез, а вместо него пришел гул далеких орудий.

Твои прапрадедушки, Сережа и Иван, — продолжал он, и в его глазах блеснула тень былой гордости, — они жили в другое время. Они верили в свою страну, верили в нашу Красную Армию. В твоем возрасте они грезили о форме, о

полетах, о танках... А я?

Николай вздохнул, и этот вздох был тяжелым, как свинец.

Я просто хотел тихой жизни. Хотел быть рядом с женой и дочкой. Но жизнь распорядилась иначе. Мне довелось стать военным водителем 67-го взвода.

Вокруг продолжался праздник жизни, смех детей и шест листвы, но для Николая этот мир был лишь тонкой пленкой, за которой скрывалась бездна.

Давно это было, — прошептал он, глядя на свои натруженные руки. — А всё никак не забуду...

ГЛАВА 2. ПЫЛЬ И ПРЕДЧУВСТВИЕ

Лето 1941 года. Полевой лагерь 67-го взвода.

Жара стояла изнуряющая. Воздух, казалось, можно было резать ножом — он был густым, неподвижным и пропитанным запахом разогретой пыли, перегретого металла и дешевого табака. Над лагерем висело тяжелое, звенящее безмолвие, которое нарушалось лишь периодическим ворчанием грузовиков и негромкими голосами солдат.

Николай, тогда еще совсем молодой, но уже с закаленным взглядом, стоял у своего «Зиса». Его ладони, испачканные в масле, привычно сжимали ветошь. Он не любил эти затяжные паузы. В армии тишина никогда не сулила ничего хорошего; она всегда была лишь затишьем перед тем, как мир вокруг разлетится на куски.

—

Опять ты в облаках витаешь, Коля? — раздался бодрый, чуть хрипловатый голос.

К нему подошел Иван. В этом лагере Иван был подобен стихийному бедствию: шумный, энергичный, всегда готовый к действию или шутке. Он вытер пот со лба и с размаху опустил на перевернутый ящик из-под снарядов.

—

Не витаю, — коротко ответил Николай, не отрываясь от протирки деталей. — Просто жду.

—

Чего ждать-то? — Иван усмехнулся, доставая из кармана смятую папиросу. — Приказов? Так их и так навалом. Скоро по машинам — и вперед, под Киев. Нам, водителям, скучать не дадут.

—

Не в том я смысле, Ваня, — Николай наконец поднял глаза. — Ты посмотри на небо. Оно какое-то... неправильное. Слишком чистое. словно природа затаила дыхание.

Иван лишь хмыкнул, чиркнув спичкой. Его оптимизм был его броней, его способом не замечать того, что чувствовали другие.

—

Ты философ, Коля. Тебе бы в поэты, а не за руль грузовика садиться. Вот увидишь, проскочим этот Киев, выпьем по чарке, и будешь потом рассказывать, как «неправильное

небо» тебя спасло.

В этот момент к ним подошел Сережа. Он был воплощением другого типажа — серьезный, сосредоточенный, почти всегда молчаливый. Если Иван был огнем, то Сережа — холодной сталью. Он подошел неспешно, поправляя ремень автомата.

Слышали новости из штаба? — спросил он, и его голос заставил Николая отложить ветошь.

Какие новости? — Иван выпустил облако дыма. — Опять передислокация?

Хлопцев из погранзаставы больше не слышно, — Сережа посмотрел на горизонт, где марево дрожало над дорогой. — Говорят, на границе неспокойно. Сообщения о перегруппировках противника.

В лагере на мгновение стало тише. Даже те, кто до этого громко смеялся у костра, притихли. Это было то самое чувство, которое охватывает людей за мгновение до того, как первый снаряд коснется земли. Это было предчувствие конца привычного мира.

Ну, — Иван попытался вернуть непринужденность, хотя его пальцы, держащие папиросу, заметно напряглись. — Если припрет — отыграемся. У нас машины надежные, и во-

ждение у нас... — он сделал паузу, взглянув на Николая, — ...выдающееся.

Николай ничего не ответил. Он снова вернулся к своему грузовику, но мысли его были далеко. Он думал о жене, о том, как она будет ждать его дома, и о том, что это лето, начавшееся с такой ослепительной жары, может стать последним теплым воспоминанием в его жизни.

Он еще не знал, что через несколько часов их привычный мир — мир планов, шуток и надежд — будет стерт с лица земли. Что вместо пыльных дорог их ждут огненные коридоры отступления, а вместо тишины — бесконечный рев моторов и крики умирающих.

Где-то вдалеке, за лесом, едва слышно, но отчетливо, прокатал первый гром. Но это был не гром небесный. Это была земля начала содрогаться под тяжестью стальных монстров, идущих на восток.

ГЛАВА 3. ПЕРВЫЙ УДАР

22 июня 1941 года. Полдень.

Мир не взорвался сразу. Сначала он просто... задрожал.

Сначала это было похоже на далекий гром, который не утихает, а нарастает, становясь всё более плотным и осязаемым. Николай стоял у кабины своего «Зиса», когда почувствовал эту вибрацию подошвами сапог. Это не было похоже на грозу. Гром был сухим, ритмичным и пугающе близким.

Слышите? — Иван замер с папиросой в руке. Его вечная

усмешка сползла с лица, оставив лишь узкую полоску тревоги.

Это не гром, — глухо произнес Сережа, мгновенно вскидывая автомат. Его движения были резкими, отточенными. — Это артиллерия.

И тут небо расколосось.

Первый взрыв пришелся на окраину лагеря, где стояли штабные палатки. Огненный гриб взметнулся вверх, подбросив в воздух куски земли, обрывки брезента и... то, что еще мгновение назад было людьми. Грохот ударил по ушам так сильно, что в голове запульсировала нестерпимая боль.

К машинам! — закричал кто-то, но крик утонул в новом разрыве.

В лагере начался ад. Хаос был мгновенным и тотальным. Солдаты, бросая вещи, бежали во все стороны. Кто-то пытался завести грузовик, кто-то упал, ошеломленный взрывной волной. Николай видел, как мимо него, спотыкаясь, пробежал испуганный связист, сжимая в руках полевой телефон.

Коля! Заводи! — Иван подскочил к его машине, его лицо было серым от пыли и ужаса, но в глазах горела ярость. — Живо, черт тебя дери! Нам нужно уходить, пока нас здесь в труху не разнесли!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.